

АНДРЕЙ ФУРСОВ

РОССИЯ

МЕЖДУ РЕВОЛЮЦИЕЙ
И КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

ХОЛОДНЫЙ ВОСТОЧНЫЙ ВЕТЕР 4

Игры мировых элит

Андрей Фурсов

**Россия между революцией
и контрреволюцией.
Холодный восточный ветер 4**

«Книжный мир»

2021

Фурсов А. И.

Россия между революцией и контрреволюцией. Холодный восточный ветер 4 / А. И. Фурсов — «Книжный мир», 2021 — (Игры мировых элит)

ISBN 978-5-6045751-4-7

Четвертое, расширенное и дополненное издание культовой книги выдающегося русского историка Андрея Фурсова - взгляд на Россию сквозь призму тех катаклизмов 2020-2021 годов, что происходит в мире, и, в то же время - русский взгляд на мир. «Холодный восточный ветер» - это символ здоровой силы, необходимой для уничтожения грязи и гнили, скопившейся, как в мире, так и в России и в мире за последние годы. Нет никаких сомнений, что этот ветер может придти только с Востока - больше ему взяться неоткуда. Нарастающие массовые протесты на постсоветском пространстве - от Хабаровска до Беларуси, обусловленные экономическими, социо-демографическими, культурно-психологическими и иными факторами, требуют серьёзной модификации алгоритма поведения властных элит. Новая эпоха потребует новую элиту - не факт, что она будет лучше; факт, однако, в том, что постсоветика своё отработала. Сможет ли она нырнуть в котёл исторических возможностей и вынырнуть «добрым молодцем» или произойдёт «бух в котёл, и там сварился» - вопрос открытый. Любой ответ на него принесёт всем нам много-много непокою. Ответ во многом зависит от нас, от того, насколько народ и власть будут едины и готовы в едином порыве рвануть вперёд, «гремя огнём, сверкая блеском стали». В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

ISBN 978-5-6045751-4-7

© Фурсов А. И., 2021
© Книжный мир, 2021

Содержание

Предисловие	7
Дефальсифицируя историю	8
Пояснение	9
1	10
2	15
3	19
4	22
5	25
6	29
7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Андрей Ильич Фурсов
Россия между революцией
и контрреволюцией
Холодный восточный ветер 4

* * *

© Михаил Финкель, 2021
© Книжный мир, 2021
© ИП Лобанова О. В., 2021

Предисловие

Общая тема этой книги – Россия сквозь призму того, что происходит в мире и мир сквозь русскую призму. Название одной из глав – «Холодный восточный ветер» – метафора, позаимствованная мной из шерлокхолмсовского рассказа А. Конан Дойла «Его прощальный поклон». Для меня это символ того здорового студеного ветра, который необходим для уничтожения гнили, скопившейся в России и в мире за последние 30–40 лет. То, что этот ветер может прийти только с Востока, у меня нет никаких сомнений – больше ему взяться неоткуда. Именно о том, какую конкретную властно-общественную форму он примет, я и размышляю в последней главе этого сборника.

Эта книга выходит в год столетия начала войны, которую именуют Первой мировой (1914–1918 гг.), хотя это и не совсем точно. Во-первых, мировыми войнами были и революционные и наполеоновские (1792–1815 гг.), и Семилетняя (1756–1763 гг.) – войны за мировую гегемонию между Великобританией и Францией; эмбриональной мировой войной была Тридцатилетняя (1618–1648 гг.). Во-вторых, есть некоторый резон в точке зрения, согласно которой так называемые Первая и Вторая мировые войны с межвоенным, заполненным локальными войнами периодом, составляют Тридцатилетнюю войну XX века. Но это к слову. Главное в том, что 1914 год оказывается далеким зеркалом 2014 года – по остроте ситуации, по факту наступления Запада на русский мир – сегодня, как показывает украинская ситуация, с использованием уже не немцев, а неонацистов украинского («славянского») разлива, бандеровских орков.

Стремление североатлантических вершущек изолировать Россию на международной арене, чему аплодирует пятая колонна в РФ, напоминает ситуацию 1938 – первой половины 1939 г., когда СССР оказался в изоляции, пробить которую Сталину удалось Советско-германским договором в августе 1939 г. Разумеется, большинство исторических аналогий, как заметил когда-то Гегель, носит поверхностный характер. Однако это не значит, что ими можно пренебречь. Материалы этой книги – прямо или косвенно – подобраны в немалой степени под углом исторических сравнений. Последние особенно важны в тех ситуациях, которые историк Фернан Бродель называл пересдачами карт социальных игр, а я называю проще: пересдачами карт Истории. Именно в такой «картежный период» мы и вступаем. Выход из него – где-то в начале XXII в. И хотя этот выход явно не будет похож на мир, изображенный ранними Стругацкими в книге «Полдень. XXII век», надо постараться, чтобы он не оказался похожим на мир поздних Стругацких, чтобы «прогрессоры» (они же «регрессоры») оказались там, где им положено, – на обочине исторического процесса, а еще лучше – у парашаи.

Андрей Фурсов

Дефальсифицируя историю Скрытые субъекты мирового управления, Россия и психоисторическая война

Если сравнить жизнь с игрой, то ее участников можно разбить на следующие категории: хозяин игры, игроки, помощники игроков, игровые фигуры и битые фигуры. На всем протяжении истории игроки действуют не так, как обычные люди, так как у них особого рода сознание и способности. При этом хозяин игры не придерживается никаких правил игры, он их разрабатывает для других. Игровые фигуры соблюдают правила так, как им диктуют игроки, но сами этих правил не знают. Помощники игроков повинуются игрокам. Битые фигуры не принимают осмысленного участия в игре – они даже не знают, что являются участниками игры.

[...] [как создать игровые фигуры]: опровергайте любые мысли, что ведется игра, скрывайте правила от игровых фигур, не давайте им извлечь никакой пользы для себя. Скрывайте цели игры, сохраняйте фигурам такие условия, чтобы они не смогли отказаться от участия в игре. Препятствуйте у них появлению чувства удовлетворенности от проделанной работы. Сделайте так, чтобы фигуры выглядели как игроки, но не позволяйте, чтобы они действительно таковыми становились. Со стороны они могут казаться всемогущими, но реально у них не должно быть никакой власти.

О. Маркеев

Пояснение

Эта работа посвящена проблеме глобального управления и его субъектов – структур наднационального (мирового, глобального) согласования и управления. Одной из форм глобального управления является психоисторическая война, распространяющаяся на такую важную сферу как история, на знание и понимание прошлого, без чего невозможно знание и понимание настоящего и будущего.

Одна из линий борьбы за прошлое – фальсификация истории, одна из форм которой – отрицание существования скрытых субъектов глобального управления. Тот, кто стремится к мировому господству, делает все, чтобы затушевать свои действия и представить их в качестве либо случайностей, либо неких системных массовых процессов, развивающихся якобы самих по себе.

Для нас анализ субъектов глобального управления важен особенно, поскольку Россия и русские – их экзистенциальный противник. Для уничтожения в первую очередь России или для установления контроля над ее ресурсами и территорией были организованы две мировые войны XX в., а по сути одна Большая война 1914–1991 гг., из которой до сих пор не сделаны многие важные выводы. В частности, до сих пор эти события и их последствия анализируются без учета интересов, целей и деятельности главных поджигателей и бенефициаров – наднациональных структур, которые и сегодня продолжают вести психоисторическую войну против России и русских, планируя окончательное решение русского вопроса.

И потому необходимо наметить основные контуры русской версии узловых мировых событий последних 150 лет, представить реальную картину мировой борьбы за власть, информацию и ресурсы, чтобы, используя эту версию и эту картину, использовать их как эффективное оружие в психоисторической войне вообще и против фальсификации истории в частности.

1

Мы живём в военное время – военное вдвойне. Натовской агрессией против Югославии, а точнее – против сербов началась перманентная горячая война, ставшая следствием разрушения СССР: Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия. Одновременно с горячей, то параллельно ей, то переплетаясь с ней, развивается набирающая силу иная форма Холодной войны – организационная война. Ее главной целью является разрушение оргструктур (структур управления) общества-мишени – всех: от социальных и финансовых до структур сознания и познания, т. е. структур психосферы в самом широком смысле этого слова. Именно эта сфера постепенно становится основным театром действий организационной войны, которая в психосфере становится войной психоисторической.

Психоисторическая война – это целенаправленное долгосрочное воздействие на общественное сознание и подсознание (взгляды, идеалы, идентичность, историческая память, эмоции и т. п.) определённой группы, как правило, интеллектуальной и политической элиты, общества-мишени (или на это общество в целом) с целью провести классовое и/или цивилизационное перекодирование, навязать ей (ему) чуждые цели, задачи, идеалы, картину мира и т. п. как якобы её (его) собственные. Задача проста – подавить волю к сопротивлению и экспроприровать общество в целом (ресурсы, территория, человеческий материал), активно используя при этом то, что специалисты из Римского клуба называют «неосознанностью происходящего».

У психоисторической войны (оргвойны в психосфере) несколько уровней (измерений): информационный, концептуальный и метафизический (смысловой). Информационная война в узком смысле – это действия на уровне фактов, их фальсификация, искажение определённым образом. Концептуальное измерение психоисторической войны затрагивает, как ясно из названия, концептуальную интерпретацию фактов, т. е. развивается в сфере перехода от эмпирических обобщений к теоретическим. Метафизическая война – высший пилотаж оргвойны в психосфере – есть преимущественно война смыслов; физическая победа без победы в метафизике, в смысловой сфере невозможна.

В качестве конкретного примера можно привести версию катынских событий, восходящую к Геббельсу. Информационный уровень психоисторической акции: нас убеждают (путем грубых фактографических подтасовок, разрушающихся при постановке элементарных вопросов), что поляков расстрелял советский НКВД. Затем – переход на концептуальный уровень: расстрелял, потому что НКВД – элемент «кровавого сталинского режима», а вся история СССР – проявление тоталитаризма, иллюстрирующая его; здесь вешают на уши образ («кровавый сталинский режим») и концепцию «тоталитаризм», причем сам этот термин должен подтолкнуть объект информагрессии к уравниванию «сталинизма» и «гитлеризма».

Вообще, нужно сказать, что образы в психоисторической войне крайне важны: можно действовать на информационно-концептуальном уровне в духе какого-нибудь Сванидзе, а можно на образно-концептуальном в духе «типа Гельмана». Но это отдельная тема.

И, наконец, метафизика: тоталитаризм якобы вытекает из парадигмы русской истории, из всего ее опыта, ее смысла, которые, следовательно, подлежат изменению. Ведь не даром один из главных бесов горбачевщины, смотрящий за ней от заокеанья, говорил, что перестройкой они ломают не только СССР и коммунизм, но тысячелетнюю парадигму русской истории. Вот это и есть действие оргоружия, причем применению его в «физической сфере», в «физике» предшествовало таковое в метафизике. Разрушению властных и финансово-экономических структур СССР предшествовало разрушение смыслов и ценностей советского общества, оргпогром психосферы. При этом основные удары наносились по фактографии, концепциям и метафизике истории: целили в коммунизм, а били по России и русским; целили в настоящее и близ-

кое прошлое («сталинизм»), а на самом деле били по прошлому вообще, по историческому, цивилизационному целому, а следовательно по будущему.

Цель психоисторической войны – разрушить организацию психосферы противника, посадив его на ложный информпоток, внедрив свои концепции его самости в пространстве и, главное, во времени и лишив его собственных смыслов и ценностей и навязав чуждые – разрушительные и парализующую волю к борьбе. Наиболее важное направление психоисторической войны – история. Битва за историю – это, по сути, главная битва оргвойны в психосфере, поскольку она подрывает эту последнюю сразу по нескольким направлениям, включая психоудары по исторической памяти (наиболее важные события, наиболее значимые и знаковые фигуры – отсюда поливание грязью нашей Победы, воинской славы, конкретных лиц, прежде всего Сталина, схема «миф о Гагарине» и т. п.), по идентичности, по традиционным для данной цивилизации ценностям.

Центральное событие советской истории – Великая Отечественная война, победа в ней. Это – безусловная ценность, абсолютная скрепа, объединяющая людей не только в России, но и на просторах СНГ, а кое в чем даже за его пределами. И естественно, что именно война и победа становятся главной мишенью в психоисторической войне. Саму Великую Отечественную войну подонки от науки и околоннауки либо переименовывают в «нацистско-коммунистическую», либо добавляют к Великой Отечественной определение «так называемая». Другие вслед за предателем Резуном пытаются доказать, что Сталин готовился напасть на Германию, но Гитлер опередил его на две или на три недели. Третьи пытаются доказывать, что СССР несет такую же ответственность за развязывание Второй мировой войны, как и Третий рейх, аргументируя это фактом «пакта Риббентропа – Молотова» (так они предпочитают называть Советско-германский договор 1939 г.). Именно подобной позиции придерживается целый ряд западных, прежде всего англо-американских и немецких исследователей (если их в данном случае можно назвать исследователями, скорее речь должна идти о пропагандистах, о солдатах и офицерах оргвойны за историю), а также их прихлебатели из компрадорского (компрадорско-коллорабационистского, пятоколонного) сегмента науки в РФ.

Нередко с пропагандистами таких взглядов начинают спорить по частностям или – того хуже – оправдываться. А ведь обе схемы – «план» Сталина первым напасть на Гитлера и якобы равновеликая ответственность Германии и СССР за возникновение Второй мировой войны – рассыпаются от элементарного наступательного удара на самом нижнем уровне психоисторической войны – информационном, позволяя развернуть наступление на концептуальном и метафизическом уровне.

В ближайшие пять лет нас ждет немало круглых дат русской и мировой истории: 2014 г. – 100 лет с начала Первой мировой войны; 2015 г. – 200 лет с окончания наполеоновских войн и установления «Венской системы»; 2016 г. – 25 лет с момента разрушения СССР; 2017 г. – 100 лет Октябрьской революции; 2018 г. – 100 лет с начала Гражданской войны в России и 200 лет со дня рождения Маркса. Можно не сомневаться, что эти даты и стоящие за ними события, тенденции и лица станут поводом (и полем) дальнейшего развертывания психоисторической войны против России. Пофантазировав, можно представить себе, например, издание многотомника, посвященного теме «Россия: мировая война и революция». Цель – доказать, что Россия не играла значительной роли в войне. Деньги дадут западные «научные» фонды. 90 % авторов – западные же ученые, 10 % – представители «компрадорской науки» из РФ, «дети грантов» (но не капитанов Грантов), главным образом узкие специалисты, не замахивающиеся на большой нарратив и обобщения (это – монополия хозяев-грантодателей). Ну а «освятят» все это редколлекцией из титулованных околоннаучных чиновников, которые не гнушаются принимать награды от иноземных властей за защиту их интересов в нашей науке. То же, а то и похлеще, можно представить по поводу роли СССР во Второй мировой войне.

Одной из линий «игры на понижение» в оценке роли и значения Великой Отечественной войны может стать противопоставление ей Первой мировой войны как «первой германской» – «второй германской». Первые симптомы такого противопоставления уже появляются. Две войны – две германских, две мировых. Они сыграли огромную роль в истории. А в их истории огромную, решающую роль сыграла Россия, как бы она ни называлась. В следующем году будет столетие начала Первой мировой войны, и о ней уже сегодня много пишут, в том числе и у нас. Вспоминают героев этой войны, ход боевых действий, эпоху. Восстанавливается историческая память, и это, конечно же, хорошо. Нехорошо другое: уже сейчас видно, что намечается тенденция противопоставления Первой мировой – Великой Отечественной. Оно развивается в контексте противопоставления Российской империи, как чего-то положительного, Советскому Союзу – как чему-то отрицательному.

Сегодня можно с уверенностью сказать: попытка героизации белого движения, использования «поручиков Голицыных и корнетов Оболенских» в качестве оргорукия против красного периода нашей истории провалилась. Более чем вероятно, что под лозунгами восстановления «исторической справедливости» о Первой мировой будет предпринята попытка использовать ее в качестве антисоветского оргорукия, как минимум уравнивая ее по историческому значению с Великой Отечественной.

И это будет ложь. Для России, русских и мировой истории значение двух этих войн несопоставимо.

В 1914 г. Вильгельм II и немцы не ставили, в отличие от Гитлера, задачу стирания русских из истории – физического уничтожения одной половины русских и культурно-психологического (т. е. оскотинивания) – другой. Ставки в Великой Отечественной были неизмеримо и несравнимо выше, чем в 1914 г. – быть или не быть России и русским вообще, и уже поэтому ни о каком уравнивании двух войн речи быть не может, при всем уважении к памяти павших в Первой мировой. Я уже не говорю о том, что геройствовал и погибал русский солдат на полях Первой мировой не столько за русский интерес, сколько за кошельки англо-американских и французских банкиров, у которых самодержавие Николая II было почти по уши в долгах. Это – во-первых.

Во-вторых, первая германская для России окончилась поражением и распадом государства. Из Великой Отечественной СССР вышел не просто победителем, но одной из двух сверхдержав – на фундаменте Победы СССР просуществовал почти полвека, но и РФ существует только потому, что до сих пор не удалось разрушить этот фундамент.

В-третьих, две войны – четкие иллюстрации того, что в одном случае (Российская империя) мы имели больное общество, в другом (СССР) – здоровое. Как только в 1915–1916 гг. был выбит старый офицерский корпус, рухнула армия, а вместе с ней – самодержавие, государство. Заменить офицеров как персонификаторов модального типа личности (а его нужно то 7–8% населения) оказалось нечем. В 1941 г. был выбит довоенный офицерский корпус, рухнула армия, потеряв миллионы пленными. Но уже через несколько месяцев другой, вновь созданный офицерский корпус, другая армия нанесли поражение вермахту под Москвой, затем последовали Сталинград, Курск и красное знамя над Рейхстагом. Произошло это потому, что в 1930-е годы был создан тот самый модальный тип личности, советский человек, который и вышел победителем в войне, расписавшись на рейхстаге.

Тему принципиальных различий можно продолжать долго, но едва ли стоит это делать в данной работе. Здесь имеет смысл сказать о другом – о важном уроке Первой мировой. Ту войну проиграло олигархизированное, коррумпированное самодержавие, превратившее Россию в финансово-зависимый сырьевой придаток Запада, придаток с заметно ограниченным суверенитетом. В острой ситуации тогдашнего «главного начальника» – царя – свергла великокняжеско-генеральско-буржуазная олигархия (при содействии британцев), т. е. представители 200–300 семей, правивших (как им казалось) Россией. Объективно олигархия сыграла роль

пятой колонны и История – прежде всего руками имперски настроенной части большевиков и военных Генштаба – вышибла ее из страны. Объясняя причины успеха СССР во Второй мировой войне, Черчилль заметил, что, в отличие, например, от той же Франции, в СССР в канун войны была ликвидирована «пятая колонна». Да и с агентурой, добавлю я, как влияния, так и нелегальной не церемонились, действуя «по законам военного времени и правилам поведения в прифронтовой полосе».

История мировых войн показывает: у семейно-олигархических систем нет шансов победить. Да, они сдают «главных начальников» или свергают их, рассчитывая откупиться их головами и продлить свой «пикник на обочине» Истории. Напрасные надежды: они слетают вслед за «главным начальником». Первая мировая в России продемонстрировала это со всей ясностью, а ведь люди не меняются, их лишь квартирный (или бизнес- или какой иной) вопрос портит. Этот урок Первой мировой, по контрасту с победным уроком Великой Отечественной – «добрым молодцам урок», если, конечно, они не идиоты (в греческом смысле этого слова: человек живет так, будто окружающего мира не существует). Этот урок, как и священную память о наших павших на обеих войнах, мы должны помнить, воздавая должное нашим героям Первой мировой и не позволяя никому принижать значение героев Великой Отечественной и Победы – нашей Победы – в ней.

То, что подобного рода принижение имеет место быть, что оно будет развиваться и в канун круглых дат (например, 70-летия Победы) станет особенно сильным, сомневаться не приходится.

Мораль из всего сказанного выше: в психоисторической войне в целом и в информационной в частности, особенно в такой сфере как история, не следует ждать, пока противник нанесет удар, нужно бить первыми. Нам нужны свои работы по истории событий, юбилеи которых приближаются, но и вообще по истории России и – обязательно – по истории Запада, с которым и в пользу которого сравнивают Россию. При этом в ходе сравнения у России выплывает негатив, а то ей и просто приписывается нечто в реальности не существовавшее, а у Запада ретушируются темные пятна. Вообще, нужно сказать, что умение табуировать неприятные для Запада темы и неприглядные преступные страницы его истории – характерная черта западной культуры, в том числе и научной. Нельзя не согласиться с английским историком Д. Ливеном, который в работе «Империя: Российская империя и ее соперники» (английское издание – 2000 г.) заметил, что в современной сравнительной истории и политологии господствует превращенная в догму «странная версия англо-американского самопоздравления-самовосхваления (self-congratulation), написанная в немецкой манере».

Запад, прежде всего его англосаксонское ядро, превратили себя, свое **уникальное** историческое «я» в **универсальное** мерило, на соответствие которому оценивается все остальное. Англосаксы вольны, подобно «Королю» и «Герцогу» из «Приключений Гекльберри Финна» выделывать любые кунштюки. Наша задача и обязанность – не ловиться на них и гнуть свою линию, прежде всего в психосфере. А потому мы должны писать не только свою историю, но и историю Запада (и Востока, конечно) без ретуши. Нам необходима систематическая, наступательная и стратегически выверенная работа в сфере «боев за историю» (Л. Февр), за прошлое – прежде всего свое, но и за чужое тоже. Это необходимое условие победы в битве за будущее. В свою очередь, написание истории Запада, России, мира в целом как условие-императив русской победы в психоисторической войне требует теоретической интерпретации истории Запада, России, мира как систем. Применительно к последним столетиям это означает творческую разработку проблем капитализма и реального коммунизма (т. е. советского строя). В то же время анализ и теория капитализма как системы – это, прежде всего, анализ наднационального (глобального управления), субъектом которого является системообразующий элемент капиталистической системы – организованная в закрытые структуры мирового соглашения и управления («ложи», «клубы», «комиссии» и т. п.) верхушка мирового капитали-

стического класса. Эта верхушка, преимущественно англосаксонская, стремится превратить в функции капитала все принципиально некапиталистическое и подавить все непохожее на протестантизм. В этом плане Россия – втройне враг этих структур: православный опыт, коммунистический опыт, великая держава, двести лет стоявшая на пути создания «мирового правительства».

2

История уже давно стала полем сражения не только научных теорий, но информационных схем, идейных конструкций и концептуальных вирусов (мемов), полем психоисторической войны во всех ее ипостасях – информационной, концептуальной и метафизической. Психоинформационные удары по идентичности, по исторической памяти уже давно вошли в арсенал различных сил современного мира и активно применяются против нынешней России, как когда-то применялись против СССР, а еще раньше – против Российской империи. Нам пытались и пытаются навязать чужое, чуждое нам видение своей истории, а саму нашу историю представить как неполноценную, недотягивающую до неких универсальных стандартов цивилизационной полноценности, за которые Запад (и его пятая колонна) выдает самого себя, любимого. Что удивительно, многие до сих пор покупаются на эту самозваную универсальность (или универсальное самозванство) Запада и начинают смотреть на свою (в данном случае нашу, русскую) историю чужими глазами. Как писал М. Волошин, «Мы все же грезим русский сон / Под чуждыми нам именами». Ну а тот, кто смотрит на свою страну и на свою историю чужими глазами, рано или поздно начинает смотреть на них в чужих интересах. Пушкин был прав, отмечая, что русская история требует своей формулы, то есть своей собственной теории, а не чужого, преимущественно англосаксонского концептуального платья, которое напяливается на русскую историю. Концептуализация своей истории в соответствии с ее природой и мерой – это, таким образом, задача не только научная, но и психоисторической войны.

Противодействие навязываемым извне теориям, интерпретациям и оценкам русской истории – одно из направлений психоисторической войны, наши действия в которой ни в коем случае не должно носить оборонительный характер – мы должны писать историю не только своей страны, но и Запада такого, каков он есть в реальности – капиталистический хищник, за демократическим фасадом которого скрываются реальные хозяева, объединенные в ложи, клубы и иные структуры.

Не менее важное направление – противодействие попыткам геоисторического (классового, системного, цивилизационного и т. п.) противника уничтожить или подменить нашу историческую память, исказить идентичность и привить комплекс исторической, культурно-психологической неполноценности, как это сделали после 1945 г. с немцами, спекулируя на «неизбывной вине немецкого народа» перед всеми – главным образом перед евреями, «забыв», что наибольшие потери, в том числе сознательно уничтожавшегося мирного населения, понесли русские.

В России в последние два десятилетия попытки привить комплекс исторической неполноценности предпринимались западными пропагандистами и их «пятой колонной» как попытки заставить каяться за «преступления сталинизма». У мема «преступления сталинизма» был не только внутренний, но и внешний, внешнеполитический аспект. Он реализовывался как попытка возложить на сталинский СССР такую же вину за развязывание Второй мировой войны, которая ранее возлагалась только на Гитлера. Фундаментом такого обвинения стало отождествление сталинизма и гитлеризма, СССР и Третьего рейха как двух – левой и правой – форм тоталитаризма, а в качестве конкретно-исторического доказательства использовался «пакт Риббентропа – Молотова», якобы, открывший путь ко Второй мировой войне и даже, якобы, ставший ее фактическим началом. На самом деле Советско-германский договор был последним из серии договоров европейских держав (Италия, Франция, Великобритания) с Германией, которые должны были создать условия для агрессии Третьего рейха против СССР, не имевшего до августа 1939 г. такого договора с Германией. Августовский договор сорвал агрессию в 1939 г. и отодвинул ее на два очень важных для нас года. Ну а реально открыл

путь к войне сентябрьский (1938 г.) Мюнхенский сговор, но это отдельная тема, для нас сейчас важна принципиальная постановка вопроса.

Во время подписания Мюнхенского соглашения (30 сентября 1938 г.) (Слева направо: Чемберлен, Даладьё, Гитлер, Муссолини и Чиано)

Нередко в ответ на обвинения в том, что СССР виновен в разжигании Второй мировой войны не менее Гитлера, наша сторона идет по пути простого реагирования, т. е. опровержения нечистоплотных конкретных тезисов оппонентов. Этого явно недостаточно. Речь должна идти о другом – о фиксации того факта (благо доказательств – избыток, причем об этом много написано серьезными и честными западными учеными), что, во-первых, именно британцы и американцы привели Гитлера к власти, создав «Гитлер инкорпорейтед», что именно англосаксы накачали фюрера деньгами и обеспечили (британцы) Мюнхеном тот военный потенциал, без которого Гитлер не мог бы начать войну против СССР; во-вторых, что именно Великобритания «Мюнхеном-38» сорвала заговор немецких генералов, готовых свергнуть Гитлера, – этого британцы допустить не могли; в-третьих, что именно позиция Великобритании в мае-июне 1941 г. (тайные переговоры с Гессом и другими) создала у Гитлера впечатление, что британцы либо замирятся с ним в случае его нападения на СССР, либо, как минимум, останутся де факто нейтральными, продолжая «Странную войну»: блицкриг против СССР был возможен только при гарантии ненападения британцами на западе.

Молотов подписывает Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом (за ним Риббентроп, справа Сталин) (23 августа 1939 г.)

Иными словами, в мае-июне 1941 г. британцы провернули тайную спец- и дипломатическую операцию, аналогичную той, что они организовали в июле 1914 г., спровоцировав Вильгельма II на войну, да так, что он, а также, естественно, Германия и немцы оказались во всем виноваты. Разумеется, формально виноват тот, кто начал войну, т. е. тот, кто капнул последнюю каплю в уже наполненную до краев чашу. Но вот что писал по поводу Первой мировой войны француз Гюстав Лебон, которого, конечно же, трудно заподозрить в симпатиях к Германии вообще и к Вильгельму II в частности. Именно Вильгельм, считал Лебон, – «автор» последней капли, но историк, подчеркивает француз, важно понять, кто наполнил чашу до

краев, в результате чего она переполнилась. Это касается не только Первой мировой войны, но и Второй – и вообще всех войн.

Ниже в порядке наступательной психоисторической борьбы с фальсификацией истории речь пойдет о механизме возникновения, а точнее организации двух мировых войн XX в. Войны эти вовсе не были случайными, как в этом пытаются нас уверить некоторые историки – западные и формально российские, которые отрабатывают отстегиваемые хозяевами сребреники. Хозяевам, конечно же, выгодно представить войны случайными, их, якобы, могло бы и не быть, если бы, якобы, не Германия и/или Россия: в 1914 г. – два авторитарных режима, в 1939/41 гг. – два тоталитарных. Эта схема рухнет от элементарного информационного удара, поэтому ниже будет предложен краткий фактографический анализ возникновения обеих мировых войн, экскурс в сферу исторической информации. Как говорил отец кибернетики Н. Винер, «правильно жить – это жить, располагая правильной информацией». Речь пойдет также о субъекте или субъектах организации мировых войн, они же – исторические враги России. По сути, будет предложена русская версия мировой, т. е. не только русской, но и западной истории, русский взгляд на события последних полутора веков. Я не стану опровергать западных пропагандистов от науки и их подголосков в РФ, лучший ответ – целостная альтернативная интерпретация, в основе которой лежит вопрос *cui bono?* – «кому выгодно?».

Искажение, фальсификация истории – мощное оргоружие в сфере психоисторической войны вообще и информационной войны в частности. Материализованная в виде институтов, образовательных структур, систем грантов и т. п. фальсификация истории есть один из элементов глобального управления, которое в качестве факта и процесса, как правило, отрицается конвенциональной (профессорско-профанной) наукой, квалифицирующей попытку серьезного изучения наднациональных структур мирового согласования и управления как «конспирологию», «теории заговора» и т. п. Ясно, что наука, обслуживающая субъекта глобального управления, должна отрицать факт его существования. Поэтому сам по себе анализ наднационального управления, его структур, форм, этапов развития, методов и т. п. как ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ реальности означает борьбу с фальсификацией истории. Кроме того, он означает изучение реального главного противника России и русских, который скрывался и скрывается за вывесками «Великобритания» и «США». Наконец, анализ этих структур позволяет понять реальные механизмы истории и ослабляет потенциал оргоружия, которым пользуются те, кого Б. Дизраэли назвал «хозяевами истории», а О. Маркеев – «хозяевами мировой игры». А, следовательно, выступает в качестве оргоружия в ведущихся «невидимых войнах» – информационной, сетевой, памяти, оружия сопротивления глобальному управлению. Это знание весьма необходимо нам сегодня, когда начинается новый глобальный передел, новая пересдача карт Истории, которая определит будущее мира на ближайшие столетия.

3

Горбачёвщина и ельцинщина превратили Россию в значительной степени в объект управления; только сейчас Россия начинает возвращать себе реальную субъектность. Но внешнеполитических побед для этого недостаточно: неполноценная субъектность закрепляется сырьевой специализацией в международном разделении труда неолиберальной внутренней экономической политикой и социальной структурой. Нередко осмысление этого «объектного», максимум – «полусубъектного» состояния оформляется в виде выводов о случайности нынешнего расклада, о глобальном управлении как простом заговоре неких сил. На самом деле наднациональное управление обусловлено природой и логикой развития капитализма и сопротивления ему: не надо, в частности, забывать, что Советский Союз был субъектом мирового управления как в коминтерновскую эпоху, так и в послевоенную (т. е. до конца 1980-х годов). Ну и, разумеется, надо помнить, что без структур наднационального (с 1870-х годов – мирового, с 1980-х – глобального) управления капитализм не смог бы воспроизвести себя как система.

Наднациональное управление – не иллюзия, не блажь, не роскошь, не выверт истории, а средство снятия одного из важнейших противоречий капитализма. Экономически капитализм – цельно-мировая система, мировой рынок, тогда как политически это не целостность, а совокупность, сумма государств. Отсюда тройное противоречие – между капиталом и государством, целым и суммой, мировым уровнем и национально-государственным.

У крупной буржуазии, в какой бы стране она ни жила (особенно если это крупная страна), прежде всего у ее финансового сегмента, всегда есть интересы, выходящие за национальные рамки, за пределы государственных границ – своих и чужих. И реализовать эти интересы можно только нарушая законы – своего государства или чужих, а чаще и своего, и чужих одновременно. Причем речь идет не о разовом нарушении, а о постоянном и систематическом, которое, следовательно, должно быть как-то оформлено. Одно дело, когда капиталу противостоит слабая или даже не очень слабая полития в Азии, не говоря уже об Африке – здесь достаточно силового варианта, «дипломатии канонеров». А как быть в мире равных или относительно равных: Великобритания, Франция, Россия, Австрия, со второй половины XIX в. – Германия, США? Это совсем другое дело. Для решения проблем на этом уровне нужно уже не огнестрельное, а организационное оружие особого типа, которое, решая задачи верхушки мирового капиталистического класса, снимало бы противоречия между капиталом и государством, наднациональным экономическим и национальным политическим интересом и, наконец, между мировой экономической целостностью и мировой государственно-политической суммарностью.

Структуры, в виде которых существует такое оргоружие, должны быть:

- наднациональными (надгосударственными);
- закрытыми («тайными»);
- долгосрочными по типу и принципу деятельности, поскольку, помимо прочего, выражают целостные и долгосрочные интересы верхушки мирового капиталистического класса.

Именно такие закрытые структуры наднационального согласования и управления требовались буржуазии на рубеже XVII–XVIII вв. Однако готовых структур у буржуазии не было, и она использовала уже существовавшие, наполнив их новым содержанием. Речь идет о масонских структурах, официальное развитие которых стартовало в 1717 г.

Одновременно с потребностью в наднациональном управлении и появлением первых его структур, возникла принципиальная возможность проектно-конструкторского подхода к исторической практике. И она тоже является имманентной чертой капитализма. Одним из главных метаисторических, организационных отличий капитализма от предшествующих ему систем

является то, что с определенного момента развития его история приобретает все более проектируемый характер. Возможности проектировать и направлять ход истории, конструируя ее, зависят от нескольких факторов:

- наличия организации, которая может ставить и решать задачи подобного рода, т. е. обладающей геоисторическим целеполаганием, способностью к стратегическому планированию в мировом масштабе и волей действовать на этой основе;
- адекватного объекта манипуляции как средства решения задач проектно-конструкторской исторической деятельности;
- наличия финансовой базы, обеспечивающей доступ к власти и собственности и сохранение прочных позиций в обеих этих сферах;
- контроля над информационными потоками при значительной роли последних в жизни общества или, как минимум, его верхов;
- наличия структур рационального знания, анализирующих закономерности истории, массовые процессы и поведение социальных групп в качестве объектов, и средств реализации проектно-конструкторской деятельности.

Любым традиционным коллективом, укорененным в «малой традиции», имеющими общие нормы, ценности, предание, будь то община, клан, племя, каста и т. п. трудно манипулировать. Другое дело «одинокая толпа» (Д. Рисмэн) городов, особенно прединдустриальных и раннеиндустриальных, еще не превратившаяся в «трудящиеся классы» и только еще превращающаяся в «опасные классы», столь красочно описанные Эженом Сю; это адекватный объект для широкомасштабных исторических манипуляций. Появляется этот объект, это «вещество» – массы – именно в середине XVIII в., чтобы взорваться, а точнее, быть взорванным в «эпоху революций» (Э. Хобсбаум), в 1789–1848 гг.

Выход масс на авансцену истории предоставил огромные возможности широкомасштабным манипуляторам. Именно масса, т. е. такой атомизированно-агрегированный человеческий материал, который состоит из плохо связанных друг с другом индивидов, является адекватным объектом манипуляции. В середине XVIII в. удивительным образом одновременно возникли и адекватный объект манипуляции – массы («вещество»), и мощнейшая финансовая база (деньги – «энергия»), и новые информпотоки («информация»).

Управление массой (массами) людей требует финансов и контроля над информпотоками – и то, и другое требует организации. В середине XVIII в. начинается финансовый взрыв; если во второй половине XVII в. «высокие финансы» снимают урожай «длинного XVI века» (1453–1648 гг.), то в середине XVIII в. формируются основы современной финансовой системы. Разумеется, и в докапиталистическую эпоху, на заре капитализма в XV–XVI вв. банкиры могли оказывать существенное воздействие на ход событий, однако их масштаб не идет ни в какое сравнение с возможностями капиталистической эпохи, когда объектом воздействия стали уже не отдельные события или их цепочки, а ход истории. Взрыв в развитии банковского капитала, о котором идет речь и который сделал его всемогущим, был обусловлен тремя факторами, стимулировавшими развитие «высоких финансов»: британско-французской борьбой за мировое господство, колониальной экспансией европейских держав и начавшейся промышленной революцией.

Наконец, последнее по счету, но не по значению – роль информации. В XVIII в. произошло еще одно изменение кардинального порядка – резко, качественно выросла роль определенным образом организованной («упакованной», структурированной, обобщенно-каталогизированной, декодированной и т. п.), подаваемой в качестве рациональной, научно обоснованной, принципиально новой и направленной информации и контроль над ней. Эти информпотоки обосновывали претензии новых социальных групп и их союзников из структур Старого Порядка на участие во власти и становились мощным психоисторическим оружием конспироструктур в переформатировании сознания элиты, социальной вербовке адептов, средством

тщательно подготавливаемого перехвата власти с помощью массового движения, первым из которых впоследствии станет Французская революция 1789–1799 гг.

«Энциклопедия» продемонстрировала ту роль, какую играет в обществе претендующая на рациональную новизну и социально ориентированная, идейно заряженная и структурированная информация (информация специального и политического назначения), каково ее влияние на элиты, ставящее их под воздействие определенного информпотока и открывающее их таким образом влиянию внеположенным их интересам конспироструктур или даже превращающее во внешний круг последних. По сути «Энциклопедия» – это первый пример успешной психоисторической войны эпохи Модерна.

Таким образом, в середине – второй половине XVIII в. впервые в истории в невиданных доселе масштабе и форме произошло соединение вышедших на первый план по логике развития капитализма как системы «больших финансов» (денег, золота), информпотоков и больших масс атомизированного населения. Произошло это в соответствии с природой капитализма вообще и с логикой развития (смены) гегемоний в капиталистической системе.

Показательно, что формирование наднациональных структур управления произошло в период, когда пик гегемонии Голландии (1620–1651 гг.) ушел в прошлое, к концу подходил голландский цикл накопления и начали делать свои первые шаги британский цикл накопления и промышленная революция, которые стали основой британских побед в войнах с Францией (1756–1763; 1792–1815 гг.) и установления британской гегемонии (пик – 1815–1873 гг.). И хотя в XX в. британская гегемония закончилась, она сменилась американской, т. е. уже двести лет англосаксы являются гегемонами капсистемы, и их функционирование в качестве таковых тесно связано, во-первых, с наднациональными структурами управления – британскими по своему происхождению и, во-вторых, с еврейским капиталом, тесно связавшим, словно сшившим Великобританию и США и придавшим Англосфере дополнительные целостность и единство. История капитализма последних 200–250 лет – это *par excellence* история наднационального управления, структуры которого выражали интересы прежде всего Великобритании (а впоследствии США и Великобритании) и капитала с британской (впоследствии американской и британской) «пропиской».

4

Субъектом наднационального управления исходно был верхний сегмент правящего британского класса, включая корону. Структурными формами этого субъекта долгое время (до конца XIX в.) были почти исключительно регулярные масонские ложи. И почти с самого начала они были представлены двумя типами, в чём и заключались главный принцип и главная тайна наднационального управления, которое в середине XIX в. стало подлинно мировым. К первому типу относились островные ложи, ко второму – континентальные.

Островные ложи, существование которых хранилось в тайне от «неостровитян», – это форма организации тех лиц, которые играют важную роль в политической, социально-экономической и духовной жизни Великобритании. Идеология островных лож исходно носила патриотический, национально ориентированный характер, упирала на исконно английские традиции, следуя принципу «right or wrong – my country». При этом locus operandi островных лож – весь мир и прежде всего Европа, где действовал другой тип лож – континентальный, но направлявшийся с острова – т. е. из Великобритании.

Установка континентальных лож была диаметрально противоположной таковой островных – космополитизм, подрывавший государственность, традиции и религию (прежде всего католицизм) континентальных государств в интересах Великобритании; в одних случаях это была установка на «самоопределение наций», в других – «объединение наций» (например, Германии и Италии под контролем лож). «Из недр этих лож, покрывших с течением времени своими филиалами все государства мира, – писал когда-то барон де Ренн, – вышли так называемые либеральные учения», предназначенные сугубо на экспорт: континентальных «братьев» вели по пути, прямо противоположному тому, которым шли «островные»: «разрушая традиции в других землях, Англия бережет их у себя как зеницу око, ибо это ее главное духовное богатство, составленное как синтез многовекового опыта [...] Осмеивая внешние формы традиционного быта других народов, Англия с умилением держится за свои формы, за свои обычаи и за свои церемонии, как факторы, отмежевывающие ее от остальных рас и народов, и в этом она следует по стопам другого народа, который благодаря таким же причинам, пронес сквозь тысячелетия свою национальность и сохранил ее жизненные силы до настоящих дней». При том, что оба типа лож были оргоружием, необходимо добавить, что континентальные ложи, в свою очередь, были оргоружием островных.

Первым по-настоящему крупным – общеевропейского масштаба и мировых последствий – опытом проектно-конструкторского действия была Французская революция 1789–1799 гг. Используя реальные проблемы, накопившиеся во Франции за сто лет и оседлав массовые процессы, британский истеблишмент, континентальные ложи и швейцарские банкиры свалили монархию во Франции, навсегда устранили конкурента Великобритании и провели очень важный социальный эксперимент, результаты которого активно использовались более века. Разумеется, они использовали реальные проблемы и трудности Франции, которые в значительной степени сами же и создали (финансовым и информационным воздействием). Эти действия и стали решающими, поскольку в XVI, XVII и первой половине XVIII в. социально-экономическая ситуация во Франции была хуже (порой много хуже, чем в правление Людовика XVI), но революция тогда не случилась. Как заметил И. Тэн, при Людовиках XIV и XV еще больше голодали, но дальше усмирявшихся бунтов дело не шло. В 1789 г. к системному фактору добавился субъектный (не путать с субъективным). По сути, французская революция стала оргоружием наднациональных финансово-политических конспироструктур и Великобритании в их борьбе против Франции, французской монархии. Эти наднациональные силы и стали в Европе главными победителями наполеоновских войн, главными бенефициарами британского цикла накопления и британской гегемонии.

Французская революция открыла «эпоху революций» (1789–1848 гг.). «Эпоха революций» и «длинные пятидесятые» (1848–1867/73), когда по масонским лекалам и под надзором Великобритании создавались целые государства, стали периодом прихода масонов к власти и, как следствие, частичного огосударствления масонства, т. е. торжества наднациональных структур согласования и управления. Однако здесь возникли и проблемы. Приход в различных странах Европы в середине XIX в. в той или иной форме к власти верхушки классических лож оставил в политическом офсайде немалую часть членов этих лож. Кроме того, далеко не все участники революционного движения были довольны результатами Французской революции 1830 г. и в еще большей степени европейской революции 1848–1849 гг. В лице государства им теперь часто противостояли «властные масоны», и это создавало конфликтную ситуацию внутри масонства, в мире конспироструктур. Результат: недовольные стали создавать «дикие ложи», которые перехватили у занявших место монархии классических лож знамя «мировой революции» и вдобавок придали ему классовый характер – антибуржуазный и антигосударственный одновременно. Это весьма соответствовало и борьбе «опасных классов», постепенно превращавшихся в «трудящиеся классы», и зарождавшейся борьбе пролетариата. Не случайно те, кто двинулся в «дикие ложи» и просто в революционные конспироструктуры, стали называть себя «карбонариями», т. е. угольщиками.

В это же время начинают возникать наднациональные структуры с претензией на управление борьбой трудящихся в мировом масштабе – I Интернационал во главе с Марксом. Здесь не место анализировать связи I Интернационала с масонами, карбонариями, крупным финансовым капиталом и британской разведкой. Ограничусь указанием на то, что принцип наднационального управления стал работать не только по классовой «горизонтالي», но и по «вертикали», пронизывая общество сверху вниз.

В последней трети XIX в. под воздействием финансистов, революционеров и спецслужб начинает стремительно оформляться двухконтурная система управления миром: государственные структуры, а также открытые, внешне представляющие собой достижение и воплощение «демократии и прогресса» политические формы (партии, парламенты) **национального** уровня становятся в значительной (порой весьма значительно) степени функцией закрытых структур **мирового** уровня. В этот период также становится ясно, что в усложняющейся политико-экономической обстановке (экономическая депрессия 1873–1896 гг.; упадок гегемонии Великобритании; раскол внутри масонства на британский и немецкий секторы; подъем США и Германии; начало борьбы Запада за русские ресурсы; обострение классовой борьбы и многое другое) масонство как форма наднационального управления перестает быть адекватным эпохе. Возникает потребность в принципиально новых формах, новых структурах, которые, во-первых, должны сплотить англосаксов (британцев и американцев) в борьбе против Германии и за русские ресурсы; во-вторых, стать подлинно мировыми – масонство несло на себе отпечаток европейской мир-системы XVII – первой половины XIX в.

Новыми структурами (субъектами) мирового управления стали общества, созданные С. Родсом, А. Милнером и другими в Великобритании. После окончания Первой мировой войны эта линия развития продолжилась взаимопроникновением наднациональных и государственных («национальных») структур, т. е. взаимопроникновением двух контуров при сохранении самого принципа двухконтурности. Западные государства все больше становились функцией структур мирового управления, основанного на финансах и неформальном, но весьма эффективном политическом контроле.

Аналогичный процесс формирования двухконтурной системы развивался с 1920-х годов в СССР, в зоне системного антикапитализма, но в направлении, противоположном западному: если на Западе государство превращалось в функцию «наднационалов», Фининтерна и т. п., то в СССР команда Сталина, свернув проект «мировая революция» и приступив к строительству Красной империи, начала превращать персонификатора мировой революции – III Интер-

национал (Коминтерн) в функцию государства СССР, по сути устраняя двухконтурность. Став залогом советских побед в 1930–1950-е годы, позднее это устранение, некомпенсированное советской верхушкой, сыграло злую шутку и с соцлагерем, и с СССР, и с КПСС¹.

Подводя предварительный итог, можно выделить в истории наднационального управления эволюционные и революционные (кризисные) периоды. Первым периодом (эволюционным) был почти весь XVIII в. Затем наступила «эпоха революций» (1789–1848 гг.), ставшая эпохой кризиса наднационального управления XVIII в., кризиса его структур и поиска новых форм. Стабилизация 1850–1870-х годов лишь на время заморозила эту проблему, прорвавшись 75-летним кризисом 1870–1945 гг. и возникновением принципиально новых – мировых – форм наднационального управления. За этим последовала, как и в XIX в., тридцатилетняя стабилизация, сменившаяся кризисом (поначалу его «смягчили» лихие 1990-е – за счет ограбления бывшего соцлагеря). Кризис породил новые структуры наднационального управления – глобальные. Эти последние – диалектика – в такой же степени породили этот кризис, в какой были его порождением. Парадокс, но глобализация исходно развивается как кризис – кризис глобального управления. Нынешний кризис наднационального управления (глобальный), как и предыдущий – мировой – самым тесным образом связан с Россией, ее исторической судьбой, о чем необходимо сказать особо.

¹ Послевоенное тридцатилетие, ставшее для Запада периодом небывалого расцвета, на какое-то время отложило необходимость создания новых форм и структур мирового управления. Однако уже к концу 1960-х годов появились серьезные признаки надвигающегося кризиса. Упреждающей реакцией верхушки мирового капиталистического класса стало создание структур мирового согласования и управления нового типа – Римского клуба (1968 г.) и Трехсторонней комиссии (1973 г.). А поскольку ударной силой, стоявшей за их созданием, была корпоратократия – молодая и хищная фракция мировой буржуазии, вышедшая на арену истории сразу же после окончания войны и являвшаяся уже не просто мировой, а глобальной по потенциалу и ориентации, то и структуры эти были уже структурами глобального управления. Их задачей было дать старт глобализации как оружию верхних сегментов капиталистического класса в борьбе с внешним (СССР) и внутренним (рабочий класс, большая часть средних слоев) классовым врагом. Разрушение СССР на какое-то время отодвинуло новую кризисную эпоху – отодвинуло благодаря ограблению Западом бывшего соцлагеря и возможностям международного разбоя, которому в отсутствие СССР некому было противостоять. Однако в конце 1990-х годов забрезжил новый кризис, и мы уже полтора десятилетия живем в условиях глобального кризиса, который помимо прочего, проявляется как кризис глобального управления.

5

Противостояние России и Запада началось давно – с того момента, когда освободившаяся от Орды Русь заняла место рухнувшей Ромейской империи. С этого момента к противостоянию ортодоксии отколовшегося по политическим причинам от этой самой ортодоксии католицизма добавилось противостояние на геополитическом уровне. Уже в последней трети XVI в. на Западе появляются два плана установления контроля над Россией – католический (Габсбурги, Священная Римская империя) и протестантский (Англия). Оба эти плана (с модификациями) шли сквозь века и в конце XX в. приняли форму подходов Ротшильдов и Рокфеллеров к ослаблению/разрушению СССР.

В начале XIX в. сразу после окончания наполеоновских войн началось противостояние России с ангlosаксами; если в XIX – начале XX в. это была российско-британская борьба на геополитической основе, то почти вся вторая половина XX в. – это советско-американское противостояние, в котором на стороне США были не только их британские «кузены», но и Запад в целом. В XX в. к геополитическому аспекту противостояния с ангlosаксами добавился социосистемный: СССР выступал по отношению к Западу, к мировой капиталистической системе не просто как держава, а как системный антикапитализм и альтернативная мировая система.

Сквозь борьбу как британцев, так и американцев против России, т. е. сквозь всю борьбу ангlosаксов против русских с XIX в. и до наших дней проходят еще две «красные линии», теснейшим образом связанные с наднациональным/мировым/глобальным управлением. Первая «стартовала» в 1820-е годы, одновременно с началом британско-русской борьбы, вторая – с 1880-х.

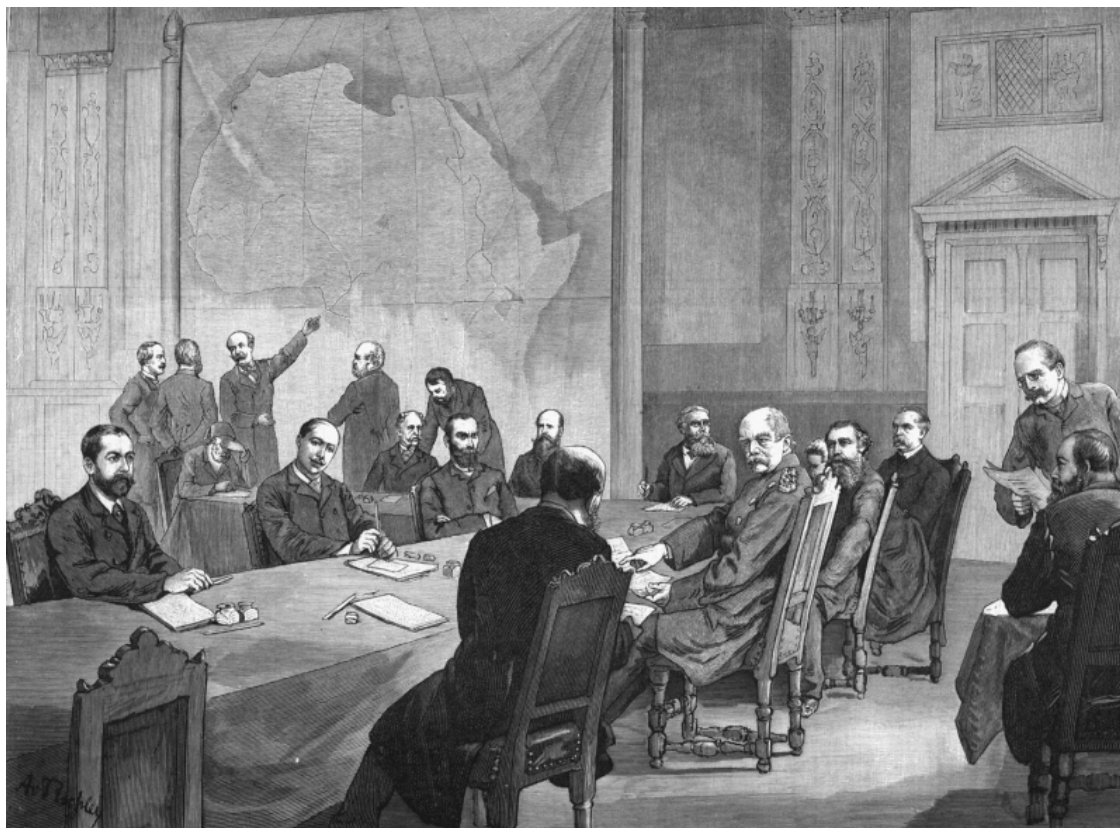
Первая «красная линия» связана с проявившимся уже в 1820-е годы стремлением европейских банкиров, прежде всего Ротшильдов, создать нечто напоминающее мировое правительство, официализировав/институционализировав наднациональное управление. На пути этого устремления объективно оказалась Россия Александра I, а затем Николая I, что сделало Романовых врагами не только Великобритании, но и европейских банкиров во главе с Ротшильдами (впоследствии они будут финансировать и Крымскую войну, и революционное движение в России). Ситуация не изменилась после Октябрьской революции. Взяв курс на строительство «социализма в одной, отдельно взятой стране», т. е. Красной империи, команда Сталина объективно стала на пути превращения мирового управления в мировое правительство – Сталин трижды срывал планы глобалистов, причем как правых, так и левых, заслужив ненависть первых и вторых.

Борьба ангlosаксов и Запада в целом против России велась не только и даже не столько по государственной линии, сколько по линии закрытых наднациональных структур мирового согласования и управления, государства нередко были лишь средством и фасадом этой борьбы. Можно даже сказать, что эволюция форм организации мирового управления в XX в. в значительной степени определялась логикой и задачами борьбы верхушки Запада, мирового капиталистического класса с Россией. В значительной степени этому способствовало все то, что было связано со второй «красной линией», стартовавшей в 1880-е годы и связанной со стремлением Запада поставить под контроль русские ресурсы.

К 1880-м годам основные ресурсные зоны мира уже были поставлены Западом под контроль в виде либо колоний, либо полуколоний. Капитал требовал новых ресурсных зон (а заодно рынков сбыта и источника дешевой рабочей силы), это требование усиливалось отрицательной экономической конъюнктурой – мировой депрессией 1873–1896 гг., ударившей, прежде всего, по Великобритании.

В 1884 г. в Берлине состоялась конференция, на которой было принято решение, что страны, обладающие природными ресурсами, но не способные их освоить, должны открыться

«международному сообществу», т. е. Западу. А тех, кто этого сделать не захочет, откроют силой. Официально утверждалось, что речь идет об Африке, но это, конечно же, не соответствовало действительности: по поводу Африки **в таком контексте никто таких решений** принимать не стал бы – просто пришли бы и взяли силой, как это и было сделано в конце XIX в. по отношению к Африке, причем не только черной, но и белой – бурской. На самом деле Берлинская конференция посылала предупреждение – «черную метку» – России, проверяя на прочность ее молодого императора. У Александра III нервы оказались крепкими, да и его Россия была достаточно сильной, не чета империи его сына-неудачника, не была еще опутана долгами, а потому «черная метка» своей цели не достигла.

Бисмарк на Берлинской конференции 1884 г.

Цели и задачи 1884 г. решались посредством Первой мировой войны и Февральского переворота 1917 г., которые должны были выбить Россию из разряда великих держав (программа-минимум) или привести к ее расчленению с установлением уже не только экономического, но и политического контроля (программа-максимум).

В начале 1920-х годов интернационал-социалистическая фаза русской революции и Гражданская война создали ситуацию весьма близкую той, к которой стремились транснациональные олигархии; казалось, русские ресурсы вот-вот окажутся под западным контролем. Однако команда Сталина прихлопнула НЭП вместе с проектом «мировая революция» и всего лишь через десяток лет после высылки из СССР Троцкого создала мощный военно-промышленный комплекс и обеспечила промышленную автаркию от капиталистического мира (два из пяти мировых промышленных «узлов» того времени находились на территории СССР).

Попытка Запада (прежде всего Великобритании) поставить русские ресурсы под контроль с помощью Гитлера провалилась и, вопреки американским расчетам, СССР восстановился не за 20, а за 10 лет, уже в начале 1950-х годов став сверхдержавой. А в 1950–1980-е годы Западу было уже не до русских ресурсов – борьба шла с системным и геополитическим

противником, однако в ходе и особенно после разрушения СССР вопрос о русских ресурсах оказался опять на повестке дня Запада, особенно с учетом важности нефти и газа для нынешней экономики. К русским ресурсам сегодня добавляется еще один «приз» – русское (северно-евразийское) пространство. Дело в том, что практически все специалисты сходятся во мнении: в условиях надвигающейся угрозы геоклиматической катастрофы (затухание Гольфстрима, планетарная перестройка, происходящая каждые 11,5–12,5 тыс. лет и попавшая на XX – начало ХХІ в. с активной фазой в 1990–2030-е годы) единственной стабильной и ресурсообеспеченной зоной будет Северная Евразия, т. е. Россия, особенно ее зауральская часть. Именно это делает установление контроля над Россией императивом для западных верхушек, представители которых не стесняясь говорят о том, что русские все равно не могут освоить Сибирь и Дальний Восток, а потому они должны уйти под контроль международного сообщества, т. е. транснациональных корпораций и структур глобального управления (повторение ситуации 1884 г.); что русских слишком много, и вообще их достаточно 15 или максимум 50 миллионов, поскольку для обслуживания «трубы» (это и есть по схеме Запада исторический удел русских) больше не надо. Ну а их «пятая колонна» в РФ активно подпекает хозяевам.

Парад англичан в Мурманске (Россия, ноябрь 1918 г.)

Разрушение СССР как формы исторической России должно было решить для Запада ряд проблем и настезь распахнуть «ворота» глобализации. То есть достичь одного из тех главных результатов, ради которых затевалась Первая мировая война, ради которых (ее) заговорщики и поджигатели работали в течение нескольких десятилетий. Именно в этой войне родился ХХ век. По сути же она стала началом Большой войны ХХ в., «горячая» мировая фаза которой длилась 31 год (1914–1945 гг.), а «холодная» глобальная – 45 лет (1944–1989 гг.). Понять «короткий ХХ век» (1914–1991 гг.) и два «водораздела» (1871–1929 г. г. и 1971–? гг.), мировое и глобальное управление этой эпохи – это прежде всего понять механизм организации войны 1914–1918 гг., цели и мотивы ее организаторов-поджигателей. Именно целостная картина эпохи,

стартовавшей Франко-прусской войной (1870–1871 гг.) и экономической депрессией (1873–1896 гг.) и окончившаяся разрушением СССР (1991 г.), а не отдельные контрвыпады на упреки в адрес СССР как стороны, якобы, несущей ответственность за Вторую мировую войну, представляется адекватным ответом психоисторическому противнику; не контратака, а контрнаступление по всей линии фронта.

Кузнецкий меткомбинат им. И. В. Сталина в конце 30-х годов

Как заметил Альберт Швейцер, в споре побеждает тот, кто подрывает **основы** взглядов и позиций оппонента. И, добавлю, предлагает более широкую, чем он, картину мира и причинно-следственных связей. Я уже не говорю о том, что от начала Первой мировой и предшествовавших ей десятилетий прямая линия прочерчивается через 1939–1945 гг. в наши дни, в «водораздельную», чем-то напоминающую и 1900-е и 1930-е годы одновременно предвоенно-военную эпоху, чреватую новым взрывом – ведь даже разрушением СССР в 1991 г. русский вопрос, проблема России не была решена Западом до конца; битва за русские ресурсы, а с учетом угрозы геоклиматической катастрофы и за русское пространство как резервную территорию еще впереди. Надо учить уроки Истории и использовать их науку против главного противника – «Ступай, отравленная сталь, по назначенью» («Гамлет» Шекспира в пастернаковском переводе). И если мы хотим (должны!) переиграть результаты Холодной войны как когда-то СССР переиграл итоги для России Первой мировой, то уроки истории нужно не только знать и учить, их нужно использовать как оргоружие в информационной, психоисторической войне.

6

С окончанием наполеоновских войн Россия стала противником № 1 Великобритании на континенте, и британцы начали готовиться к устранению этого конкурента. В 1820-е годы была запущена психоисторическая (информационная) программа «русофобия», которая должна была морально и идейно подготовить всех западноевропейцев к участию в британской борьбе против России, кульминацией которой в XIX в. стала Крымская война – первая общезападная война против России. Ее результатом стало уменьшение влияния России в Европе и некоторое укрепление позиций Франции Наполеона III, но при этом Россия сохранила статус одной из пяти великих европейских держав и продолжала противостоять Великобритании в Центральной Азии. Чтобы изменить эту ситуацию британцы озаботились созданием континентального противовеса России, который в то же время мог бы подсесть и Наполеона III, проявлявшего все большую самостоятельность. Таким противовесом должна была стать объединившаяся вокруг Пруссии Германия.

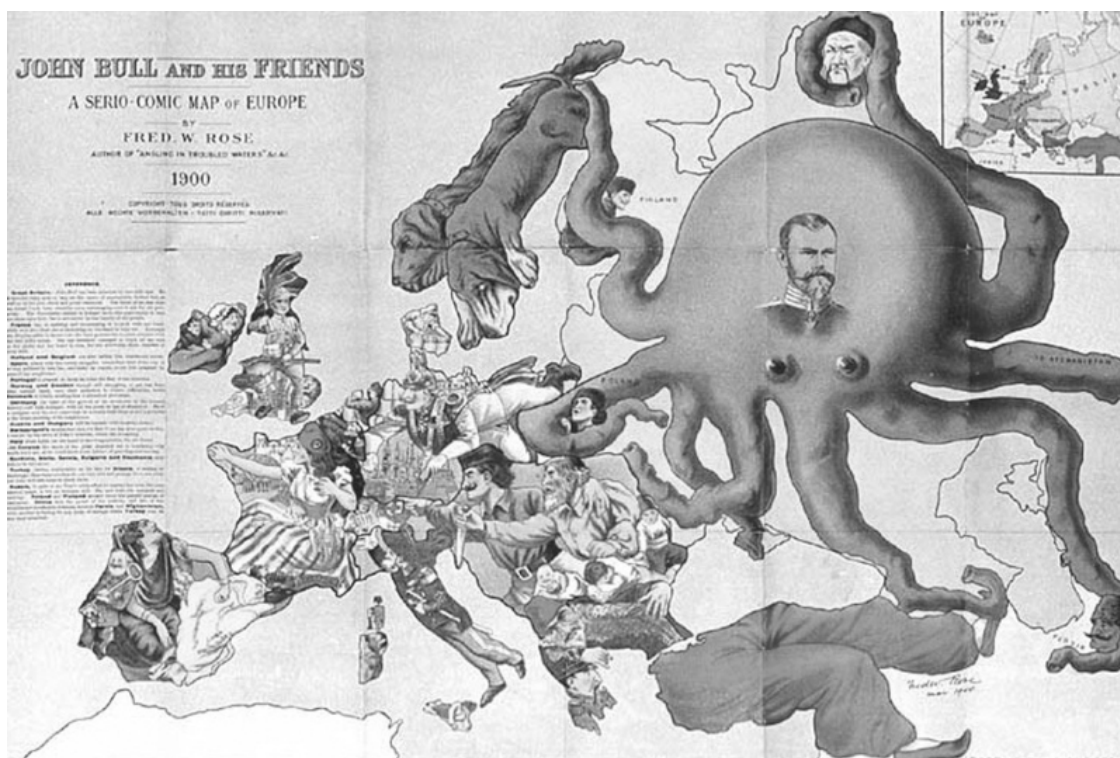

Суворов пожирает французскую армию

В 1870–1871 гг. Пруссия нанесла поражение Франции. Быстрая победа немцев уже тогда вызвала определенное удивление у современников – не настолько они были сильнее французов в военном отношении. Со временем ситуация прояснилась: поражение во многом стало результатом предательства. Последнее было обусловлено тем, что «братья» из масонских лож Великобритании, Франции и Германии договорились – и судьба Третьей империи была решена. Британцы могли торжествовать. И вот тут-то немцы преподнесли им крайне неприятный сюрприз, последствия которого в значительной степени определили ход европейской и мировой истории почти на восемь десятков лет.

Разделавшись с французами, немцы объединили свои (континентальные) масонские ложи, которые ранее в разрозненном виде находились в той или иной степени под контролем

британских (островных) лож, в одну крупную сверхложу – «Geheime Deutschland» («Тайная Германия») и тем самым не только вышли из-под их контроля, но сделали заявку на самостоятельную игру в мировых процессах. Впервые (и, кстати, единственный раз в истории) англосаксонским наднациональным структурам мирового управления и согласования был брошен вызов на национальной основе. Мощь этого вызова подкреплялась национально-политической позицией немецкого правящего класса и растущей экономической мощью Второго рейха, тогда как Великобритания в 1870-е годы пик своей политико-экономической гегемонии в мире уже прошла.

«Комическая карта Европы» (Фред Роуз, 1900 г.)

Британское общественное мнение, не ведавшее о масонской подоплеке Франко-прусской войны, победа немцев и так напугала до такой степени, что в 1871 г. увидел свет рассказ полковника Дж. Чесни «Битва под Доркингом». Сюжет прост: немцы высаживаются в Англии и начинают войну. Еще за 10–15 лет до этого такое британцу и в голову не могло прийти, но жизнь менялась.

Итак, Второй рейх создал двухконтурную систему власти в одной отдельно взятой стране – до этого двухконтурной структурой власти обладали только британцы. Хотя в «коварном Альбионе» угрозу осознали сразу, в 1870-е годы британцам было не до Германии: ситуация на Ближнем Востоке, Русско-турецкая война и Большая игра не позволяли им заняться решением германского вопроса. Германия тем временем наращивала мощь, формировался русско-германский союз, а экономическое положение Великобритании не улучшалось.

В 1880-е годы перед британской верхушкой остро встали два тесно связанных вопроса – германский и русский. Рост Германии, «германского духа» надо было во что бы то ни стало остановить, ну а русские ресурсы надо было поставить под контроль. И, конечно же, нельзя было допустить реализации ночного кошмара британцев – континентального русско-германского союза. Более того, британцы могли остановить немцев только с помощью России, используя ее (а затем, по использованию, поставить на колени, как они это попытались сделать в 1917–1918 гг.). Как заметил замечательный русский геополитик Е. А. Едрихин-Вандам, реше-

ние британцами германского вопроса «возможно не единоборством Англии и Германии на Северном море, а общеевропейской войной при обязательном участии России и при том условии, если последняя возложит на себя, по меньшей мере, три четверти всей тяжести войны на суше». Отметим важнейшую деталь: в конце XIX в. само существование Британской империи и ее верхушки во многом стало зависеть от разрушения Германии и России, но средством разрушения мог быть только конфликт между ними. Завязанный тугим узлом русско-германский вопрос стал центральным вопросом существования британской, а с определенного момента американской верхушки в их глобалистских устремлениях. Глобалистский и имперский принципы организации пространства несовместимы, особенно когда имперский принцип воплощается белой же, христианской, но не протестантско-католической, а православной и к тому же некапиталистической по сути цивилизацией – Россией.

Решение германского вопроса британцами упиралось в европейскую войну, которую надо было каким-то образом вызвать, и в необходимость создания союза с Россией. С учетом полувекового англо-русского противостояния даже договора 1887 г. по Афганистану, заключенного после Пандждехского инцидента (1885 г.), который едва не привел к войне, было мало-мало для фундамента нового союза. К тому же британцы стремились зажать немцев в клещи, а для этого нужна была Франция как союзник Великобритании и России. Но в том-то и дело, что у Франции на тот момент были натянутые отношения с Россией и еще более натянутые – с Великобританией. И британцы нашли сильный ход: прийти к союзу с Россией через союз с Францией, которая предварительно войдет в союз с Россией. Эту долгосрочную схему разбили на несколько ходов.

По-видимому, окончательное решение по разгрому Германии британцы приняли не позднее 1888 г. (экономические проблемы подпирали), и работа закипела; забегая вперед, отмечу, что именно в это время человек Ротшильдов Сесил Родс начал создавать закрытую организацию управления нового типа. Сначала нужно было поработать над франко-русским союзом. Убеждать французов двинуться в сторону России пришлось папе Римскому. Он едва ли с охотой взялся за это дело, но на тот момент Ватикан изрядно задолжал Ротшильдам, пришлось отрабатывать. Франко-русскому сближению способствовало и послебисмарковское ухудшение германо-русских отношений – отчасти объективное, отчасти являющееся результатом действий в России британской агентуры влияния, тесно связанной с британскими банками.

В 1892–1893 гг. результат – франко-русский союз – был налицо. Ну а положение Великобритании на мировой арене осложнилось настолько, что Родс заговорил о необходимости создания единого англо-американского истеблишмента и занялся созданием принципиально новых закрытых наднациональных структур мирового согласования и управления, более адекватных новой эпохе, чем масонство, с одной стороны, и немецкая сверхложа и иные закрытые структуры – с другой. Одной из таких новых структур стало общество под неброским названием «Мы» («We»), или «Группа» («The group» – существует до сих пор); за ним последовали другие, например, общество Милнера («Круглый стол»), выросшее из «Группы» и ставшее в определенный момент ее ядром. Новые структуры активно включились в дело спасения Великобритании путем уничтожения Германии с ее двумя контурами власти (кстати, немцы тоже не дремали, создавая неоорденские структуры и корпорации нового типа) и разрушения России.

Следующим шагом долгосрочной стратегии Великобритании было подтолкнуть Францию к союзу с Альбионом. Для этого необходимо было наглядно продемонстрировать французам, что русские не так сильны и не стоит так уж слишком рассчитывать на них в противостоянии с Германией. А для этого, в свою очередь, нужно было реально ослабить Россию, но только не в европейской зоне – там она еще пригодится, а, так сказать, «на дальних берегах». Например, на Дальнем Востоке. Эта задача была решена с помощью Японско-русской войны (1904–1905 гг.), которой предшествовало заключение англо-японского договора (1902 г.), сыграв-

шего значительную роль в определении исхода Японско-русской войны, в которой британцы активнейшим образом помогали японцам. Аналогичным образом «играли» и американцы, действуя против России. Показательно, что любимой мишенью для стрельбы в тире президента Т. Рузвельта, с которого в политике США начинается поворот к новым отношениям с Великобританией, был портрет русского императора Николая II.

Британцы добились своей цели: после Японско-русской войны напуганные французы пошли на союз с Великобританией. Россию британская агентура влияния, сорвавшая русско-германское сближение после Бьерка, подталкивала тоже к союзу с британцами, который после войны с Японией и при наличии русско-французского и франко-английского союзов внешне казался логичным. В 1907 г. русско-английским союзом было оформлено то, что вошло в историю под названием «Entente» – «Антанта», или «Сердечное согласие». До сердечности там было очень далеко, тем более, что Великобритания, по сути, не брала на себя никаких обязательств, оставляя Францию и Россию один на один с Германией, и это был бесспорный успех британской дипломатии, а точнее, тех сил, которые из-за кулисы направляли ее развитие, готовя крупномасштабную войну, новую передачу карт Истории. И вот об этих силах имеет смысл сказать чуть подробнее и взглянуть на то, о чем сказано выше, с другой стороны и под другим углом зрения, а после мы вернемся в 1907–1908 гг.

7

Подъем Второго рейха, экономические проблемы поздневикторианской Великобритании, связанные с экономической рецессией 1873–1896 гг., экономический рывок США – все это создало в последней четверти XIX в. ситуацию, резко контрастировавшую с предшествовавшей эпохой, причем не только с той, что началась победой масонской революции во Франции и окончилась ликвидацией «братьями» Великобритании, Пруссии и Франции Второй империи во Франции (1789–1871 гг.), но эпохой господства масонства в качестве главной оргформы конспироструктур и важнейшего субъекта наднационального управления (1717–1871 гг.). В 1870–1880-е годы стало ясно, что масонство в качестве доминирующей оргформы закрытых наднациональных форм согласования и управления не срабатывает, не адекватно современному миру. Тем более, что оно раскололось на два противоборствующих лагеря, один из которых – немецкий – был, во-первых, национально ориентированным и нелиберальным, что явно нарушало либерально-космополитические принципы масонства; во-вторых, явно противостоял Великобритании и ее ложам, как островным, так и континентальным. Перед британским правящим классом, который в течение почти двух столетий так или иначе контролировал все или почти все масонские ложи Европы, остро встала задача создания принципиально новой формы организации закрытых наднациональных структур согласования и управления, подкрепленных британской мощью. А вот с этим-то как раз были проблемы: для тех задач, решением которых должна была заниматься новая закрытая («тайная») структура (или структуры) одной британской мощи было недостаточно, и альбионские «конструкторы» с необходимостью развернулись в ту единственную сторону, в которую они могли развернуться – в сторону США. Выход они увидели в укреплении англо-американского (англосаксонского) единства – финансово-экономического и политического, вплоть до формирования англо-американского истеблишмента, разумеется, главным образом тайного. Только такой субъект мог решить «пятиугольную» («пентаграммную») задачу:

- поставить под контроль финансы США, создав таким образом единую англосаксонскую финансовую систему;
- сокрушить Германию (и другие европейские и евразийские империи);
- присвоить русские ресурсы, ослабив, а еще лучше полностью разрушив Россию;
- развязать евразийскую, а еще лучше мировую войну и таким образом устранить конкурентов;
- установить мировое господство англосаксов как особой (высшей) расы под эгидой созданного ими же мирового (наднационального) правительства.

Инициатором создания нового субъекта мировой игры, субъекта не просто наднационального европейского, а уже мирового управления выступил Сесил Родс, за которым стояли Ротшильды.

Сесил Джон Родс (5 июля 1853–26 марта 1902)

«В зимний день в феврале 1891 г. три человека вели откровенную беседу в Лондоне. Последствия этого разговора имели значение огромнейшей важности для Британской империи и мира в целом». Так начинается интереснейшее исследование «Англо-американский истеблишмент» блестящего историка Кэрола Куигли. Три человека, о которых идет речь, – три убежденных британских империалиста: Сесил Родс, журналист и разведчик Уильям Стэд (Стид) и Реджиналд Бэлиол Бретт (впоследствии – лорд Эшер, доверенное лицо сначала королевы Виктории, а затем Эдуарда VII и Георга V). Тройка собралась для обсуждения вопроса о создании тайной организации, которая должна взять на себя реальное руководство внешней (а во многом и внутренней) политикой Великобритании, укрепить Британскую империю в новых условиях (немецкий вызов), подключив к процессу укрепления США и создав нечто вроде единого англо-американского истеблишмента, господствующего над миром. Имелось в виду одновременно господство «англосаксонской расы» (доктрина расизма была детально разработана во второй половине XIX – начале XX в. именно в Великобритании, а не в Германии, позднее реализовавшей британские наработки на практике) и господство британского правящего класса с его социально-политическими и идейно-интеллектуальными традициями.

Идея тайной англо-американской организации была сформулирована Родсом еще в 1877 г. в его первом завещании (завещаний было семь, поскольку ультраколонизатор был довольно хлипкого здоровья), и конспироструктура упоминается в пяти из них. Родс формулировал цель организации так: «Распространение британского правления в мире, совершенствование системы эмиграции из Соединённого Королевства и колонизации британскими подданными всех земель, где средства к существованию можно приобрести энергией, трудом и предприимчивостью... в конечном счёте возврат Соединённых Штатов Америки как составной части Британской империи, консолидация всей империи, введение системы колониального представительства в имперском парламенте, что может способствовать сплочению разрозненных членов империи, и, наконец, основание такой великой державы, которая сделает войны невозможными и будет содействовать лучшим интересам человечества».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.